

Инна ЧУРИКОВА:

Хорошо бы поменьше говорить

Инна ЧУРИКОВА — актриса, что называется, милостью божьей. Начинала она с характерных ролей в театре и кино. Кинорежиссер Глеб Панфилов открыл в ней героико-романтический дар — «В огне брода нет», «Начало», «Прощу слова», «Васса». У Марка Захарова в Ленкоме она раскрыла все прочие грани своего разнообразного таланта. Сейчас она в преддверии новой театральной работы.

— Марк Анатольевич, если не преддумает, предложил мне Филумину Мартурано. Я даже не знаю, какая звезда зажглась, как случилось, что он сделал мне такое предложение!

— **Ему на небо смотреть не надо, у него звезды рядом ходят.**

— Не знаю. Не ожидала. Это для меня внезапный подарок. Хорошо бы это случилось и получилось...

— **Вы думаете, это возможно, чтобы не получилось?**

— А как я могу знать? Героиня — женщина сдержанная, никому не рассказывает, что чувствует, что в ней происходит. Можно, конечно, говорить о темпераменте, о силе характера, но человек она очень закрытый, очень любящий. Роль сложная. Проще, когда человек открыт, импульсивен.

— **Насколько помню, характер в чем-то сродни Вассе Железновой.**

— Из подобных характеров, закрытых, сдержанных, у меня была Васса и Елизавета Уварова в «Прощу слова». Особенно, конечно, Васса. А на сцене — Антонина Васильевна в «Варваре и еретике».

— **В кино сейчас у вас есть какие-то интересные предложения?**

— Предлагает интересную работу в своем новом фильме Эльдар Александрович Рязанов. Очень бы хотелось с ним поработать.

— **А с Глебом Панфиловым у вас есть какие-то общие проекты?**

— Глебу сейчас надо довести до конца свою картину «Же ву зем» — о Николае II. Нельзя же бросить на полпути. Все ведь снято. Осталось

смонтировать, озвучить, довести до ума. Наконец нашлись деньги на завершение картины. Так что прежде всего это. А так, конечно, есть какие-то мысли, но пока все неопределенно. Сейчас ведь побеждает не талант, а лихость, умение толкаться руками и ногами, добывать деньги. К тому же на всех нас таким тяжелым облаком повис кризис...

— **Вы лично на себе его ощущаете?**

— Как его не ощущать, если, получая ту же зарплату, идешь в магазин, а там цены в три раза выросли. Я же хозяйка дома, должна семью кормить. Огромное количество людей осталось без работы, без зарплаты. Я-то работаю, у меня есть театр. К тому же есть еще и антрепризный спектакль «Старая дева», который мы сделали с Валей Гафтом, Зиной Шарко и режиссером Борисом Мильграмом по пьесе Птушкиной. Это водевиль, веселогрустная история, сказка, которой в жизни не бывает. А может, и бывает. Я играю здесь старую деву, встречающую свою любовь. Волею случая.

— **Изменился ли сегодняшний зритель? Не пропал ли его интерес к театру?**

— У нас в Ленкоме зритель преемственно хватает. Даже такое впечатление, что интерес к театру лишь вырос. Я это по реакции зала чувствую. Она стала интенсивнее. Добрее. Острее. У нас народ такой! Его перемолоть нельзя. Хотя сбить с ног можно. Но он и лежа будет смотреть в небо на звезды. Ведь так уже людей укатали, будто специально старались. Ну нельзя же так с живым человеком обращаться! Мне очень

хочется, чтобы люди верили в слово «демократия»! А у нас оно скомпрометировано, причем, на мой взгляд, прежде всего государственными мужами, называющими себя демократами. Это, по-моему, самое чудовищное, что случилось за последние годы. Как теперь убедить людей, что демократия — это единственно правильное?

— **Как актриса вы, наверное, тоже могли бы что-то сделать, чтобы вернуть смысл этому сло-**

ву. Я имею в виду не политику на сцене, зритель и без того от нее устал, а просто человеческие спектакли, заставляющие людей поверить, что и в их силах что-то сделать.

— Это единственное, что доступно театру. Театр — не место для политических дискуссий. И простая неприязнительная история может подтолкнуть к вполне серьезным размышлениям, дать зрителю тот кислород, которым можно дышать.

Мне очень жалко людей. Но надо не просто жалеть, а очень конкретно, элементарно помогать. У нас есть храмы, куда приносят одежду для бедных, столовые, где кормят. Наверное, так нужно делать всем нам. Каждый может чем-то необходимым поделиться.

— **Актер — надеждой и верой. У вас нет мысли поработать с драматургами, вместе сделать пьесу, в которой вы могли бы все то же сказать со сцены?**

— Не знаю. Главный мой драматург и режиссер — Глеб Анатольевич Панфилов.

— **Ваш главный соавтор...**

— Не могу назвать себя его соавтором. Но есть какие-то общие фантазии, соображения... Когда начинаешь работать, это все приобретает какую-то форму. Но пока Глеб фильм не закончит, говорить о чем-либо рано. Это первая его картина, где мы не вместе. Наверное, иногда полезно расстаться, чтобы понять, что расставаться не надо. Но тут это изначально было условием продюсера: ему нужна была западная звезда. У Глеба снималась прекрасная английская актриса Линда Беленкем. А еще у меня такое чувство, что Глебу было бы страшно меня расстреливать. Ему и так картина невероятно тяжело далась. Когда я приехала в Прагу, как раз снималась сцена расстрела. Я подглядывала из окна: Глеб был весь бледный, синие тени на лице, сам в халате, на халате кровь, сцена страшная, кровавая. Мне было бы жутко существовать в этом — ну, это ладно, я артистка. А ему было бы еще страшнее. Ведь все же умножается. Помню, после Вассы я на несколько лет постарела, словно на мне какая-то плита лежала тяжелая. Долго от Вассы отходила. Вот такие мы, российские актеры. Недавно я посмотрела картину «Война окончена, забудьте» — мощное впечатление. В главной роли Ирина Бразговка, когда-то она пела в хоре Покров-

ского. Она дивная, настоящая. Так хороша! Ей веришь. И весь фильм — от сердца. Потому что мы виноваты, нам всем надо было выйти на улицы и кричать: «Остановите войну, спасите наших детей!». Мы этого не сделали. Жуткая, невыносимая печаль — потерять дитя, которое ходило в детский садик, потом в школу, получало плохие отметки, а может, и хорошие... Потом танцы, свидания с девочками, телефонные звонки, а потом — в один день — Чечня. И конец...

— **«А кони все скажут и скажут, а избы горят и горят»...**

— Да. К сожалению, так. Очень на душе тревожно. Москва, в которой мы живем, кажется мне городом отравленным — дымом заводов, солями, которыми поливают асфальт — от них умирают деревья. Каждую весну видишь, как рубят высохшие стволы. Дети рождаются нездоровыми. А соль сыплется и сыплется. Как это остановить? Надо сохранить деревья. Посмотрите хотя бы, как в Германии берегут деревья. Каждое ограждено, на ограде плакатик: «Сначала умрет оно, потом — ты». Мы приехали на гастроли в Штутгарт, перехожу улицу — рядом со мной заяц идет. Вместе с зайцем пошли на зеленый. Они там живут, прямо в городе. В нью-йоркском Централ-парке девушкам гулять опасно, но белкам жить хорошо.

— **У нас белок в городе не видно, но девушкам гулять тоже опасно...**

— Не только им. Стреляют. Не то сказал — прошу навеки. Убить Галину Васильевну Старовойтову! Как с этим живут те, кто это сделал. Кто это заказал. Очень невеселые у меня мысли. Сейчас вообще хорошо бы поменьше говорить. Лучше что-нибудь делать. Так много наговорено, так мало сделано. Хорошо, когда есть любимая работа и когда в нее можно уйти с головой.

Александр ЛИПКОВ

ВЛАДИМИР БЕРТОВ